

На правах рукописи

КАРПОВА Василина Валерьевна

**АВТОР В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БИТОВА
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2003

Работа выполнена в Тамбовском государственном техническом
университете на кафедре русской филологии

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Попова Ирина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Комлик Надежда Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Толоконникова Светлана Юрьевна

Ведущая организация: Мичуринский государственный
педагогический институт

Защита состоится «___» _____ 2003 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, Тамбов, ул. Советская, 93, Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (ул. Советская, 6).

Автореферат разослан «___» _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



Пискунова С.В.

Подписано к печати 21.10.2003
Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Объем: 1,39 усл. печ. л.; 1,3 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. С. 706

Издательско-полиграфический центр ТГГУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Постмодернизм является одним из самых ярких течений в современной литературе. До настоящего времени он вызывает активные дискуссии в среде интеллектуальной элиты, которые ведутся вокруг содержания термина «постмодернизм», времени возникновения, генезиса, бытования, степени самобытности этого явления и так далее. В последнее время появилось немало теоретико-методологических, научных, критических работ, посвященных эстетике постмодернизма, философии, языку, поэтике¹. Кроме того, феномен постмодернизма представляет собой особенный интерес для диссертационных исследований².

¹ См., например: Ильин, И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001; Ильин, И.П. Постструктурализм: Деконструктивизм: Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996; Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа // <http://lib.ru/CULTURE/ILIN/postmodern.txt>; Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики // <http://philosophy.ru/library/misc/lipovecky.html>; Маньковская, Н.Б. Эстетика пост-модернизма. – СПб.: Алетейя, 2000; Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: Новая философия, новый язык: Монография. – Минск: Институт современных знаний, 2000; Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература. – М.: Флинта; Наука, 2000.

² См., например: Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм: Поэтика прозы: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 1996; Мирошниченко, О.С. Поэтика современной метапрозы: На материале романов Андрея Битова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – Ростов н/Д, 2001; Квон Чжен Им. Современная русская постмодернистская проза: Венедикт Ерофеев и Саша Соколов: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1999; Черемина, Е.А. Поэтика Саши Соколова: Дис. ... канд. филол. наук: 01.01.01. – Астрахань, 2000; Кременцова, М.Л. Художественный мир Саши Соколова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1996; Гуртуева, Т.Б. Постмодернизм в системе национальной культуры: Типологические связи русской литературы и русскоязычной поэзии Сев. Кавказа: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. – Нальчик, 1997; Федорова, Л.Г. Типы интертекстуальности в современной русской поэзии: Постмодернистские и классические реминисценции: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1999; Шеметова, Т.Г. Поэтика прозы А.Г. Битова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Улан-Удэ, 2000.

При всем многообразии и разносторонности исследований, осуществленных в последнее время, все же остаются аспекты, рассмотренные, как правило, на уровне разрозненных суждений или замечаний, носящих попутный характер при рассмотрении той или иной проблемы. Одним из таких неисследованных аспектов является проблема субъектной организации в постмодернистском произведении, то есть выражение авторского сознания в русском литературном постмодернизме.

Проблема автора является одной из важнейших не только на уровне постмодернизма; она была и остается ключевой в классической и современной науке. Сложилось так, что в литературоведении термин «автор» бытует в нескольких значениях и требует от ученых уточнений при его употреблении³.

Автора, который в постмодернистском тексте становится персонажем, расщепляющимся на множество alter ego, обозначают термином «маска автора», предложенным американским критиком К. Мамгреном.

В постмодернистской литературе, таким образом, рождается качественно иной взгляд на образ автора. Авторская маска является важнейшей категорией постмодернизма, которой уделяют много внимания как западные, так и отечественные ученые⁴.

Думается, что анализ постмодернистского произведения в свете проблемы «автор» позволяет более глубоко интерпретировать художественный текст. Буквально в каждом постмодернистском произведении присутствует неповторимая, оригинальная «маска автора». Так, например, в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» автор-персонаж выступает в роли шута или карнавального короля, низвергнутого до ранга шута, в связи с чем «маска» предпринимает попытку карнавального постижения бытия. Распадаясь на множество alter ego, ведущих между собой непрерывающийся диалог, «автор» достигает своей смерти, которая зафиксирована в буквальном смысле.

Ю. Буйда в романе «Ермо» создает «маску автора» литературоведа-биографа, изучающего творчество вымышленного писателя. Текст «маски автора» и художественный текст писателя Ермо-Николаева в конце концов начинают взаимопроникать друг в друга, а «маска автора»-литературоведа перевоплощается в «маску автора»-романиста.

Одним словом, рассмотреть «маску автора» в художественном постмодернистском произведении – значит не только лучше понять писателя, но и выявить те новые тенденции, которые, безусловно, оформятся в дальнейшем его творчестве, поэтому одной из самых важных проблем постмодернизма является изучение функционирования «маски автора» в творчестве постмодернистского художника.

Одной из самых ярких фигур современной литературы является Андрей Георгиевич Битов (1937). Его творчество многогранно как с содержательной, так и с формально-поэтической точек зрения, наверное, поэтому вокруг его прозы уже ведутся активные дискуссии, например, по поводу того, считать ли автора «постмодернистским» художником или «реалистическим»⁵.

В творчестве А. Битова ярко выражено такое скрепляющее начало, как «маска автора». Эту мысль подтверждает сам писатель, издавший в 1996 году 4-томное собрание сочинений под общим названием «Империя в четырех измерениях», под обложкой которого собраны произведения 1961 – 1995 годов. Герой рассказа «Автобус» (1961) признается: «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь... То есть не надо, а можно писать всю жизнь: пиши себе и пиши. Ты кончишься, и она кончится»⁶. Такой книгой для писателя стала его «Империя». Разноплановые, на первый взгляд, рассказы, повести, романы, эссе, тем не менее, имеют общие темы, идеи, героев, сюжетные линии. Самым примечательным явлением «Империи» становится общий автор-персонаж.

В первом измерении, названном «Петроградская сторона», писатель делает попытку создания самостоятельного героя и постоянно взаимодействующего с ним автора. Однако А. Битову удается воплотить либо полноценного героя (например, в романе «Улетающий Монахов»), либо образ автора, действующего самостоятельно без контакта с другими персонажами, которых к тому же часто просто нет в романе. Прозаик, тем не менее, награждает «образ автора» собственным именем, что является попыткой создания автора-персонажа.

³ См., например, работы В.В. Виноградова, А.Б. Есина, Н.Г. Мельникова, Б.О. Кор-мана, В.Е. Хализева, В.В. Прозорова и многих др.

⁴ См., например: Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: Новая философия, новый язык: Монография. – Минск: Институт современных знаний, 2000. – С. 72 – 73.

⁵ Подобная ситуация сложилась вокруг романа А. Битова «Пушкинский дом». Как реалистическое произведение его интерпретируют Ю. Карабчиевский, В. Ерофеев; как постмодернистское – В. Чалмаев, В. Новиков, А. Немзер, М.Н. Липовецкий, И.С. Скоропанова, М. Берг, А. Генис, В. Курицын.

⁶ Битов, А.Г. Автобус // Империя в четырех измерениях. Измерение I. Петроградская сторона / Андрей Битов. – Харьков: Фолио; М.: ТКОО АСТ, 1996. – С. 9.

Своей цели писатель полностью добивается в романе «Пушкинский дом» – во втором измерении «Империи». В романе не только действует полноценный герой – Лев Одоевцев и автор-персонаж (авторская маска) – А.Б., но они активно взаимодействуют, очерчивая в своем контакте все пространство произведения.

В третьем измерении «Империи» автор-персонаж – это сам прозаик Битов, который упрочивает свои позиции: не скрывает своего положения в тексте, называет себя собственным именем, не создает полноценной персонажной системы, по сути, являясь единственным персонажем этого текста. Кроме того, он называет себя «тиражированным агентом Империи»⁷, что позволяет говорить не только о расщеплении «авторской маски» в тексте, но и о том, что она вобрала в себя «маски» первых двух измерений.

В четвертом измерении – романе «Оглашенные» «ничего не придумано, кроме автора». «Империя» закончилась для автора, и он констатирует: «Автор намекает, что это он сам, сам сгорел в этом повествовании. Поверим в искренность его интенций»⁸. Расщепляющаяся на множество персонажей «авторская маска» констатирует собственную смерть.

«Империя в четырех измерениях» представляется процессом развития постмодернистской концепции автора от «образа автора» до «смерти автора». В этом контексте «Пушкинский дом» является, на наш взгляд, ключевым произведением, так как в нем «маска автора» не только функционирует по законам постмодернистской концепции автора, варьируется разными масками, но и создает полноценного героя, с которым вступает в равноправные отношения. Если в первом измерении только намечается выход на постмодернистского автора, то здесь он полноценно воплощается. Более того, в романе заложена тенденция дальнейшего развития художественного решения концепции «смерти автора».

В связи с тем, что в литературоведении постмодернистская проблема автора рассмотрена в целом фрагментарно, представляется **актуальной** предпринимаемая на страницах настоящей работы попытка исследования проблемы «Автор в современной русской постмодернистской литературе (на материале романа Андрея Битова «Пушкинский дом»)».

Актуальность и значимость работы продиктованы сложившейся в науке ситуацией: до сих пор фигура Автора в постмодернизме рассматривалась исследователями с философско-теоретических позиций без привлечения художественного материала либо в свете других поднимаемых проблем. В диссертации предпринимается попытка рассмотреть выдвигаемые А. Битовым в его романе «Пушкинский дом» проблемы, сущность которых непосредственно зависит от системы «авторских масок», а также проследить, как преломляется через концепт «авторской маски» решение тех или иных вопросов. Выявить и осмыслить систему «авторских масок» в романе «Пушкинский дом» – значит глубже понять одно из ярчайших произведений постмодернистского течения.

В понятие «авторской маски», закрепившееся в отечественной науке, вкладывается констатация И.П. Ильина: это «важный структурообразующий принцип повествовательной манеры постмодернизма в условиях постоянной угрозы коммуникативного провала, вызванный фрагментарностью дискурса и нарочитой хаотичностью композиции постмодернистского романа»; «главное средство поддержания коммуникации» и «смысловый центр постмодернистского дискурса»⁹.

Диссертация написана на **материале** прозы Андрея Георгиевича Битова. Основной акцент сделан на романе «Пушкинский дом» с привлечением прозы писателя, вошедшей в 4-томное собрание сочинений «Империя в четырех измерениях», а также прозы, в которой проявляется интерес автора к личности А.С. Пушкина. Этот широкий пласт творческого наследия прозаика и стал **объектом** диссертационного осмысления, а взгляд на роман «Пушкинский дом» через систему «авторских масок» послужил основным **предметом исследования**.

Цели исследования:

- изучение романа А. Битова «Пушкинский дом» в ракурсе системы «авторских масок»;
- осуществление попытки прочтения романа «Пушкинский дом» А. Битова в аспекте проблем, преломленных через варьирующееся авторское сознание.

⁷ Битов, А.Г. Грузинский альбом // Империя в четырех измерениях. Измерение III. Кавказский пленник / Андрей Битов. – Харьков: Фолио; М.: ТК О АСТ, 1996. – С. 212.

⁸ Битов, А.Г. Оглашенные // Империя в четырех измерениях. Измерение IV. Оглашенные / Андрей Битов. – Харьков: Фолио; М.: ТК О АСТ, 1996. – С. 302.

⁹ Ильин, И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001. – С. 8.

Отсюда вытекают базовые **задачи работы**:

- 1) изучить особенности функционирования авторского сознания в романе «Пушкинский дом»;
- 2) выявить факторы, обусловившие необходимость применения той или иной «авторской маски»;
- 3) определить зависимость поставленной А. Битовым проблемы от использования «авторской маски»;
- 4) обнаружить взаимозависимость используемых «авторских масок»;
- 5) рассмотреть поднимаемые «авторскими масками» проблемы в свете постмодернистских категорий.

Метод исследования обусловлен сочетанием структурно-поэтического, рецептивно-эстетического и деконструктивного подходов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Роман А. Битова «Пушкинский дом» – это отражение творческих поисков писателя в области художественного миромоделирования с привлечением принципов автолитературоведения и филологических изысканий в русле малоизученных проблем литературоведческого характера.

2. Фигура Автора, введенная в текст романа и расщепленная на множество авторских масок, является скрепляющим сюжетообразующим и идейно-эстетическим звеном не только «Пушкинского дома», но и цикла произведений А. Битова «Империя в четырех измерениях».

3. Расщепление фигуры Автора на многочисленные «авторские маски» предопределило многостороннее рассмотрение варьирования, взаимопроникновения и «оппонирования» поднимаемых писателем проблем в романе «Пушкинский дом», таких как проблема симулякра в современном сознании, соотношения цивилизации и культуры в современном обществе, свободы духовного творчества в тоталитарном государстве и многих других.

4. Изучение функций «авторских масок» в романе А. Битова «Пушкинский дом» позволяет осуществить более глубокую интерпретацию произведения с учетом постмодернистских понятий и категорий, таких как «мир как текст», художник-маргинал, игровое освоение хаоса, карнавализация повествования и бытия, интертекстуальная природа сознания и многих других.

Научная новизна диссертации определяется прежде всего тем, что предметом отдельного специального изучения становится художественное воплощение фигуры постмодернистского Автора в романе А. Битова «Пушкинский дом». В диссертационном исследовании предпринимается попытка анализа системы авторских масок, бытующих в романе, и рассмотрения проблем, затрагиваемых писателем, с точки зрения многообразных авторских масок. «Симулякр» анализируется не только как феномен современного сознания, но и как фундамент для построения романа-симулякра, осуществляемого маской автора-романиста. Ему противостоит маска – знак модернистской культуры, превращающая роман-симулякр в бесконечно варьирующийся постмодернистский текст. Кроме того, восприятие творцом романа мира как хаоса позволяет говорить о маске автора-игрока с хаосом и выявить присутствующую в романе игру с хаосом и карнавализацией. Помимо этого, автолитературоведческий роман изучается с точек зрения масок автора-филолога, которые, изучая текст романиста, решают спорные вопросы теории и практики литературоведения. По-новому оценивается интертекстуальная природа романа «Пушкинский дом», которая также реализуется в повествовании через систему авторских масок.

Диссертация призвана дать представление о художественном смысле расщепления фигуры Автора на «авторские маски» в свете выдвигаемых прозаиком проблем, а также выявить основные темы художественного творчества А. Битова в рамках «Империи в четырех измерениях», интерес к которым заложен в фигуре Автора.

Научной новизной обусловлена и сущность **гипотезы**, выдвигаемой в настоящем диссертационном исследовании: фигура Автора, расщепляющаяся на множество варьирующихся «авторских масок», – это не просто художественный прием. Каждая «маска» – это самостоятельный художественный образ, «исследующий» отдельную проблему. Тем не менее, все «маски» взаимозависимы и призваны либо углубить изучение той или иной выдвигаемой другой маской проблемы, либо противостоять ей, что, в конечном счете, также направлено на углубление смысловой наполненности произведения. Все «авторские маски» скреплены единой фигурой имплицитного Автора и представляют собой персонажную систему эксплицитных «авторских масок».

На гипотетическом уровне предлагается выделить в романе А. Битова «Пушкинский дом» две основополагающие «авторские маски»: маску автора-романиста и маску автора-филолога, которые, в свою очередь, дробятся на ряд более мелких масок.

В соответствии с выделяемыми «масками автора» материал диссертации распределяется по главам, тематика которых объединена определенной маской.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды теоретиков литературы: М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Б.О. Кормана, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, В.Е. Хализева и других; а также исследователей постмодернизма: И.П. Ильина, М.Н. Липовецкого, И.С. Скоропановой и других.

К работе привлечены исследования философов и культурологов – И.И. Антоновича, Р. Барта, Ж. Бодрийара, Ж. Дерриды, П. Козловски, Н.Б. Маньковской, М. Фуко, М. Эпштейна и других.

Кроме того, в работе осмыслен пласт современных литературно-критических изысканий таких авторов, как М. Берг, А. Генис, Д. Затонский, Н. Иванова, В. Курицын, В. Лавров, А. Немзер, В. Новиков, И. Сухих, В. Чалмаев и других.

Диссертация является одной из попыток утверждения нового вектора исследований кафедры Русской филологии Тамбовского государственного технического университета, связанного с изучением современной русской постмодернистской литературы.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих в современной русской постмодернистской литературе, кардинальному перевороту в осмыслении образа автора, воплощенного в художественном тексте. Анализ данной проблематики дает представление о переосмыслении роли традиционного классического Автора в произведении, об изменении его бытования в постмодернизме, об эволюции «читательской роли» в современной литературе.

Практическое значение исследования связано с возможностью использования его результатов при обновлении способов прочтения постмодернистского текста в курсе лекций по истории русской литературы

XX века, при чтении спецкурсов по проблемам современной литературы на филологических факультетах, на факультативах школ с гуманитарным профилем.

Апробация диссертации осуществлялась в рамках учебно-методических семинаров кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета. Часть материалов послужила основой доклада на V Международной конференции, посвященной 80-летию Белорусского государственного университета «Славянская литература в контексте мировой» (Минск, 2001), а также на III Всероссийской научной Internet-конференции «Компьютерные технологии в образовании, Comtech2001» (Тамбов, 2001). Проблемы, затронутые в диссертации, обсуждались на международной конференции, посвященной 20-летию кафедры практического русского языка Ивановского государственного университета «Русский язык, литература и культура в современном обществе» (Иваново, 2002).

Основные положения работы изложены в пяти публикациях.

Структура и объем диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, состоящего из 205 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит общую характеристику научного контекста, в русло которого вписывается настоящая диссертация, обосновывается актуальность исследования, формулируются цели и задачи, определяется проблематика, указывается исследуемый материал и исследовательский метод.

В **первой главе** «*Маска автора-романиста в романе А. Битова «"Пушкинский дом"»*» анализируются проблемы, поднимаемые частными воплощениями маски автора-романиста, в связи с чем материал главы распределяется по четырем параграфам.

В **первом параграфе** «*Проблема авторской маски и игра со смыслом названия романа и его жанровым определением*» исследуется игровое воплощение авторской маски, проявляющееся уже в игре со смыслом названия романа и его жанровыми определениями.

В романе А. Битова «Пушкинский дом» намечается новое постмодернистское художественное видение мира. Писатель именно по-постмодернистски смотрит на отношения автора и героя, на развитие сюжета, на власть автора над героем; по-новому им оценивается культура, политическая власть и их

влияние на жизнь и судьбу отдельно взятого человека и т.д. Помимо этого, постмодернистский роман А. Битова отличается разнообразными проявлениями авторского сознания. Одно из главных – это авторская маска. Авторская маска в романе «Пушкинский дом» является связующим центром, который объединяет текст, спасая его от коммуникативной несостоятельности; кроме того, заложенная в авторской маске тенденция к самопародированию лишает текст однозначности и категоричности единственного прочтения.

В диссертации анализируется целый ряд названий, которые автор приводит в комментарии как возможные для своего романа: «Заколоченный дом», «Холодный дом», «Ледяной дом», «Белый дом», «Большой дом», «Желтый дом», «Пушкинский дом» и др.

В том же параграфе анализируется ряд жанровых определений, игра с которыми ведется в романе. Безусловно, ключевым для понимания романа является определение «роман-музей», к интерпретации которого обращались многие отечественные исследователи (В. Курицын, М.Н. Липовецкий, И.С. Скоропанова и др.). Автор диссертации приходит к выводу, что писатель называет свой роман «романом-музеем» потому, что пытается спасти русскую классическую литературу от закрытости и законченности интерпретации. Концепт «Музей» в данном случае звучит как протест: нельзя втиснуть в определенные узкие рамки то, что равно самому бытию. Творчество, культура, классическая литература – это зеркало живой жизни, писатель призывает творить культуру, а не пользоваться ею как неприкосновенным музейным экспонатом. Именно поэтому структура романа свободна; даже клочок газеты автор призывает вставить в текст, то есть осколок живой жизни вполне вписывается в канонизированный музей, как считает А. Битов.

Исходя из принципа, что в названии кроется ключ к интерпретации, автор предлагает целый ряд якобы предшествующих заглавий, которые с разных сторон характеризуют роман. Думается, что многообразие названий, введенных в текст и комментарий к роману, позволяет подойти к пониманию «Пушкинского дома» с разнообразных позиций и создает необходимость введения в текст различных масок автора, ведущих исследование, по сути, одного явления, но с разных точек зрения. Как смысл названий и жанровых определений позволяет найти подход к пониманию романа, так и авторские маски – более глубоко и разносторонне интерпретировать текст.

Во **втором параграфе** «Художественный смысл "симулякра" (подмены) в романе "Пушкинский дом"» анализируется понятие «симулякр», лежащее в основе эстетики постмодернизма и являющееся важнейшей особенностью романа А. Битова. Ключевым компонентом проблемы «симулякра» в романе становится время.

Проблема «превращения» главного героя в героя коллективного – это проблема «омассовления», обезличивания и, как следствие этого, бездуховности в условиях государственного тоталитаризма.

«Эпоха», подмятая под себя всех героев, становится главным действующим лицом.

Привычка к потреблению готовых смыслов приводит к «дезориентации» и, как следствие ее, симулятивности жизни, то есть подмены реальности искусственностью. Отрыв от родовой основы – аристократии, разрыв семейных связей, традиций рода и культуры в целом продемонстрирован на примере семьи главного героя.

Завершенным продуктом эпохи-«симулякра» является в романе Митишатъев, который не просто герой-антагонист Левы Одоевцева. В его фигуре заключен новый, более совершенный уровень симуляции. В отличие от Левы, который несет в себе зачатки интеллигентного человека, но на протяжении романа теряет их и все более превращается в раба, Митишатъев – симулякр по своей сути. Вероятно, Митишатъев – более высокая ступень симуляции, на которую в будущем ступит если не Лева, то его потомки. Может быть, поэтому Митишатъев не отпускает Леву, тянет его на свою ступень.

Авторское сознание, исследующее проблему симулякра, воплощается в симулятивном образе писателя «А.Б.», а также в образах Левы и Митишатъева. Авторские alter ego, реализованные в художественных образах, выявляют ту или иную грань Автора, и соответственно, направлены на целостное изучение выдвинутой проблемы.

Автор-симулякр не отражает реальность, а изображает симулятивное репродуцирование жизни посредством стереотипизированного восприятия русской классики. Автор А.Б., воспроизведенный в романе, не восходит к биографическому автору, он копия, лишенная подобия. Вероятно, по этому прин-

ципу строится весь роман-симулякр: отраженная в нем классика восходит к сознанию героя, но не является оригиналом или хотя бы точной копией самой себя.

Третий параграф «*Модест Одоевцев – герой-знак. (Проблема соотношения цивилизации и культуры в современном обществе)*» начинается с обращения к фигуре Модеста Платоновича Одоевцева, в которой заложено решение проблемы соотношения цивилизации и культуры в жизни современного общества.

Образ Модеста Одоевцева непосредственно связан с проблемой «симулякра» культуры, и эту связь можно охарактеризовать как противостояние. В его образе воплощается та грань авторского сознания, которая творческой активностью противостоит симулятивной подмене жизни, реализованной в образах Левы и особенно Митишатъева. В эпоху тотального «омассовления» Модест Платонович сохраняет черты неповторимой личности, духовной индивидуальности. Его фигура настолько значима для автора-романиста, что он не решается обрисовать его как живую личность. Автору важно показать Модеста Платоновича как знак, за которым стоит вся классическая и модернистская культура в ее критическом противостоянии реальной современности. М.П. Одоевцев противопоставлен в романе другому концепту, за которым не стоит уже ничего, «симулякру» Митишатъеву. Эти два знака, олицетворяющие культуру и отсутствие культуры, являются в романе двумя полюсами, между которыми «мечется» главный герой.

Модест Платонович понимает культуру как звено в природе; природа и культура взаимосвязаны, в то время как природа и цивилизация взаимоисключают друг друга. Автор доверяет деду эту тему как «старому, внимательно живущему человеку, имеющему право говорить, судить и пророчествовать».

В культуре Модест Платонович видит смысл существования человечества; аристократия, таким образом, обеспечивала смысл, не разоряя природы. Но, уничтожив аристократию и провозгласив всеобщее равенство, «эпоха» отменила саму возможность культуры. Ее превратили в тщательно охраняемый музей. Человечество, встав на путь цивилизации и прогресса (Дьявола, по Модесту Одоевцеву), «сбрело со своего пути». Цивилизация и прогресс, надо полагать, являются условием подмены культуры симулякром, то есть подмены истинного ложным, в котором отсутствует, даже в зачатках, духовный потенциал.

Фигура Модеста Одоевцева очень важна в персонажной системе романа. Через нее автор-романист «преломляет» всех главных героев, прежде всего, Леву и его отца.

Присутствие в романе образа-знака, за которым стоит модернистская культура, воплощенная в образе Деда Одоевцева, свидетельствует о стремлении автора вернуть подобно первоначальное значение: роман-симулякр – не фикция, а новый виток в развитии литературы.

Образ Модеста Одоевцева наполняет изображенную в тексте классическую литературу живым смыслом. Роман-симулякр становится полисемичным, а авторская маска, преломленная через образ – «знак модернистской культуры», начинает читать классику «изнутри» собственного текста и, тем самым, не только понимать ее, но и творить литературу. Эта авторская маска, со всей очевидностью, противостоит маске автора-симулякра, и ее можно условно назвать маской автора-«творца».

В четвертом параграфе «*Игровое освоение хаоса и карнавализация повествования в романе А. Битова "Пушкинский дом"*» анализируются понятия «мир-хаос» и «карнавализация», заложенные в произведении.

Отказ А. Битова от упорядоченной структуры приводит к тому, что текст строится по законам мира-хаоса. Хаос для постмодернистов – не страшный, разрушительный, а самоорганизующийся, порождающий. В мире-хаосе живут и звучат одновременно все эстетические системы и культурные коды. Текст, строящийся по модели мира-хаоса, наделяется способностью множественного прочтения.

Автор понимает текучесть времени и жизни, мир-хаос не имеет начала и конца, потому и текст бесконечен и многовариантен. На диалог с миром-хаосом способен не каждый человек, а только гений, шизофреническая личность. Такой личностью, помимо автора, организующего текст, становится в романе Модест Одоевцев, который не только видит, прозревает мир-хаос, не только включается в диалог с ним, но и является его частью, он – Сфинкс русской литературы.

Помимо игрового освоения хаоса автор романа активно использует прием карнавализации повествования, который теоретики постмодернизма выделяют как один из основополагающих в постмодернистских текстах. Карнавализация является связующим звеном между автором, текстом и читателем.

Назначение приема карнавализации повествования тесно примыкает к игровому освоению хаоса и интертекстуальности. Писатель с помощью карнавализации размывает жесткие рамки произведения и

демонстрирует процесс относительности повествования: читатель может верить в сказанное, но он должен понять, что все сказанное – это текст, который не равен жизни. Текст участвует в диком беспорядке жизни и моделирует ее в соответствии с карнавальной стихией.

Карнавал в повествовании, по-видимому, является для автора еще одним способом перекодировки, которая позволяет установить истинное лицо эпохи-«симулякра». Так же, как и русская классическая литература, карнавал в повествовании позволяет автору «увенчать» одних героев (Модест Одоевцев) и «развенчать» других (Лева Одоевцев); выделить истинный смысл происходящих явлений. При помощи карнавальных ролей «шута» и «короля» автор проверяет своих героев. Так, например, в роли «шута» в финале романа оказывается Лева Одоевцев.

Кроме того, «авторская маска», появляющаяся на страницах постмодернистского текста, вовлечена в процесс карнавальной игры, в отличие от модернизма, в котором Автор, задавая правила и тон игры, максимально отстранялся. Поэтому карнавальная постмодернистская игра носит всеобъемлющий, непрерывный и неконтролируемый характер.

Очевидно, маска автора-игрока с хаосом, хаотической карнавализацией окружающей жизни позволяет А. Битову развенчать ложные социальные ценности, которые провозглашались долгое время как подлинные, и тем самым расширить и одновременно углубить представления читателей об идейно-эстетических процессах, происходящих в современности, результатом которых явилось постмодернистское восприятие мира как хаоса, лишённого центра, опорного стержня, смысла бытия.

В первой главе диссертации делается вывод о том, что уже в игре со смыслом названия романа и его жанровым определением автор-романист декларативно заявляет о необходимости разностороннего подхода к тексту «Пушкинского дома». Поскольку все названия романа и его жанровые определения передают многочисленные оттенки смысловой наполненности произведения, постольку возникает неизбежность введения в текст многочисленных масок автора-романиста, исследующих, по сути, одно явление многосторонне. И если маска автора-симулякра занимается разработкой романа-симулякра, отражающего симулятивную реальность, то маска автора-творца поднимает проблему несоответствия мнимого истинному. В то же время маска автора-романиста, подвергающего сомнению реалии как истинной, так и симулятивной эпохи, проявляется в романе как постмодернистский интеллигент, который строит свой текст по модели мира-хаоса и карнавальным законам бытия.

Во второй главе «*Маска автора-филолога в романе А. Битова "Пушкинский дом"*» автор диссертации обращается к выявлению ряда частных воплощений маски автора-филолога и анализу проблем, поднимаемых этими масками, в связи с чем материал главы распределяется по пяти параграфам.

В первом параграфе «*"Пушкинский дом" как автолитературоведческий роман*» заостряется внимание на функционировании маски автора-филолога в тексте романа.

Повествование от лица авторской маски лишает текст однозначной интерпретации, так как одна маска подрывает авторитетность высказывания другой маски; утверждение не обесценивается, но пародийный подход акцентирует многовариантность прочтений. Именно так функционирует авторская маска филолога в романе «Пушкинский дом». Автор-филолог поднимает в курсивах с пометой «Курсив мой. – А.Б.» интересующие его проблемы филологического характера. Исследование писательского мастерства, взаимоотношений автора и героя, природы прозы и другие не отменяет текст автора-повествователя, но явно подрывает его авторитет, лишая однозначности; как, в свою очередь, авторитет текста автора-филолога подрывается автором-повествователем.

Свои маленькие литературоведческие эссе А. Битов посвящает малоизученным или спорным вопросам, одной из важных для писателя является проблема автора в классической и современной литературе. Думается, что первостепенность этой темы продиктована автору-филологу текстом автора-романиста, который, по сути, является главным героем повествования. Для того, чтобы лучше понять текст автора-романиста, маска филолога углубляется в изучение теоретической стороны данного вопроса.

Подвергая критике позицию автора-Бога, автор-филолог делает вывод, что писать от имени Учителя жизни, или от имени Творца неправомерно, так как текстовая реальность живет по своим имманентным законам и подчиняет себе художника. В связи с этим творческая деятельность автора переводится в сугубо языковую сферу, где приоритет имеет само письмо.

Характерной особенностью постмодернизма является сближение литературы и литературоведения. Роман «Пушкинский дом» написан «на стыке». Процесс написания филологического романа, автолитературоведение,

то есть рефлексия над собственным авторством, сопровождающая весь текст романа «Пушкинский дом» и служащая А. Битову средством превращения «закрытого смысла в открытый», «мертвого музея в живой», выступает в качестве повода создания еще одной маски автора – автора-филолога. Автолитературоведение для А. Битова – это способ запечатления рефлексии сознания писателя-профессионала. Маска автора-филолога, исследующего литературоведческие тайны писательского мастерства, является еще одним воплощением авторского сознания. Проявляя себя как теоретик литературы, маска автора поднимает и решает основную для творчества А. Битова проблему, а именно кризис традиционного Автора и способы его разрешения в современной литературе.

Во втором параграфе «Проблема диалогических отношений автора-повествователя, героя и читателя в романе А. Битова "Пушкинский дом"» анализируется понятие «мир-текст», по законам которого строится роман.

Размышляя над взаимоотношениями автора, героя и читателя, диссертант обращается к изысканиям в этой области М.М. Бахтина, считающего, что автор и читатель зачастую разлучены веками и пространством, но «все равно они находятся в едином реальном и незавершенном историческом мире, который отделен резкой и принципиальной границей от *изображенного* в тексте мира»¹⁰. Рассуждая таким образом, ученый приходит к понятию «творческого хронотопа», в которое вкладывается смысл специфической жизни произведения в процессе его обмена с реальным бытием. При всей неслиянности «изображенного» и «изображающего» мира, они, тем не менее, находятся в постоянном взаимодействии, которое осуществляется в творческом сознании читателя. В этом хронотопе снимается категория времени, поскольку акт чтения одномоментен. Постмодернизм как бы размывает границу между жизнью и литературой: литературой оказывается жизнь, а жизненной – литература.

В связи с одномоментностью письма и чтения диалог между автором и читателем приобретает доминантный характер. На читателя возлагается роль интерпретатора, причем его интерпретация должна быть свободна, немотивирована воспитанием, образованием, принадлежностью какому-либо культурному дискурсу, то есть интерпретатор должен быть имплицитным читателем. Понимание является субъективной интерпретацией смысла.

А. Битов строит свой роман в соответствии с этим принципом. Читательская роль очень важна для автора, распадающегося на маски, которые друг для друга являются исследователями, оппонентами, и, прежде всего, читателями, защищающими свой текст на уровне одного из прочтений.

Автобиографизм персонажей свидетельствует о том, что авторское сознание воплощается не только как субъект, но и как объект исследования. В этой связи, автором-филологом осуществляется изучение диалогической структуры повествования, основанной на диалоге всех воплощенных в образах авторских ипостасей. Кроме того, изучая диалогические отношения автора, героя и читателя, автор-филолог проявляет себя как историк литературы. Он не только исследует «творческий хронотоп» созданного романистом текста, но и устанавливает, что подобный диалог между произведением и жизнью приобрел в современной литературе тотальный характер.

В третьем параграфе «Личность и поэзия Пушкина как критерий свободы духа в романе А. Битова "Пушкинский дом"» автор диссертации обращается к личности Пушкина, которая является для писателя эталоном красоты, гармонии и истинной аристократичности духа. Русская классическая традиция, преломленная через поэзию Пушкина, становится для А. Битова «мерилом» подлинности всех явлений и понятий.

Пушкин – гений, сумевший выразить в слове тайну свободы творческого духа. Тайна поэзии, по Битову, заключается в ее исконности и искренности. Поэзия – это извечный, живой, текущий и, соответственно, истинный смысл. Именно маска автора-филолога заметила, что существуют поэзия и не-поэзия, – среднего нет. Наверное, поэтому поэтическое сознание является эталоном гармонии не только для автора-романиста, но и для его героя – Модеста Одоевцева.

Кроме того, как признается писатель, имя Пушкина вынесено в заглавие романа и полноправно заменяет в тексте и Петербург, и Россию в целом, потому что это еще и символ всей русской литературы и русского народа.

Поиск свободы через самовыражение восходит не только к поэзии и личности Пушкина, но и ко всей традиции русской классической литературы и к модернистской культуре, которая не осознается автором как отрыв

¹⁰ Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 401.

от классики, и находит реализацию в романе «Пушкинский дом». Соотнесенность темы свободы творчества с личностью Пушкина не случайна, так как для А. Битова поэзия и свобода синонимичные понятия.

Характерно, что в романе образ Пушкина преломляется через поэзию Блока. Битов в эпоху тотальной подмены истинного ложным, омассовления и духовного обнищания народа идеал ищет в поэзии Пушкина. Блок, в свою очередь, обратился в поисках идеала к поэзии Пушкина в момент начала эпохи «симулякров», в первоначальной точке отсчета.

Кроме того, Блок, сумевший понять истинный смысл «тайной свободы» Пушкина, является как бы ориентиром для героев романа. Блок понял Пушкина, потому что читал его «изнутри» литературной реальности, так же как это делает Модест Одоевцев. Видимо, поэтому и Пушкин, и Блок, и Модест Платонович названы автором Сфинксами. «Извне» «тайная свобода» Пушкина непостижима, так как в реальности «симулякра» утратила свое назначение.

Интерес к тайной свободе творчества у А. Битова обусловлен собственным положением в государстве тотальной несвободы. В философии постмодернизма широко используется термин «маргинальность», означающий пограничное положение личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающее при этом определенный отпечаток на психику и образ жизни. Напрашивается мысль о том, что любой гений в определенном смысле – маргинал по отношению к господствующему культурному канону.

Превращение поэзии Пушкина в «официоз», в музей отрицательно сказывается на культуре. Наследие настоящего художника может существовать только в целостном контексте культуры, а не в ее частях «официальных» или «маргинальных», поэтому писатель ратует за освобождение Пушкина.

Проблема психологии творчества, в частности, вдохновения, исследуется маской автора-филолога через реализацию в тексте образа Пушкина. Сквозь личность Пушкина, как критерий высшей духовной свободы, маска автора-пушкиноведа преломляет все образные воплощения маски автора-романиста и выявляет степень их подлинности и симулятивности. Кроме того, Пушкин становится полноправным персонажем романа «Пушкинский дом», как и в научно-критической работе героя романа Левы Одоевцева.

Маска автора филолога-пушкиноведа сближается с маской автора-творца. Маски, обращаясь к понятиям «культура» и «цивилизация», «вдохновение» и «мастерство», исследуют современное бытие и литературу. Культура – это производство уникальных вещей, шедевров; цивилизация же – это «штампование», репродуктивное. Героями культуры являются гении, цивилизации – профессионалы. Бесконечное продуцирование убивает душу вещей и, как следствие, творческую свободу человека. Культура – это единственная возможность существования человечества, без нее оно перестает им быть. К такому выводу приходит маска автора-творца, создавшая образ Модеста Платоновича Одоевцева, и маска автора филолога-пушкиноведа, исследующего «тайную свободу» поэзии Пушкина, как условие существования подлинной литературы.

В четвертом параграфе «Маска автора-литературного критика как частное воплощение маски автора-филолога» диссертант выявляет функционирование маски автора-литературного критика, которая имеет непосредственное отношение к литературоведческой науке.

Наиболее последовательно А. Битов воплотил маску литературного критика в статье «Три пророка». Сближая литературоведческий и эмоционально-эссеистский тон, автор создает внутри романа особый жанр. Он критически анализирует статьи Левы, в то время, как Лева является критиком творчества изучаемых авторов.

Автор «Пушкинского дома» пишет статью именно прозой, в этом отношении он тесно примыкает к постмодернистскому видению критики. Термин «критика» в философии постмодернизма предполагает отход от традиционно-классического способа интерпретации текста, исходящего из избранной системы внешних критериев (взгляд «извне»), и подразумевает имманентный подход к тексту в постмодернистской текстологии, то есть взгляд «изнутри». Писатель осуществляет именно постмодернистский критический подход к литературе и современности «изнутри» собственного текста.

Взгляд на русскую классическую литературу «изнутри» собственного текста позволяет автору определить предметом критики «чужое» слово. В русле постмодернистской философии метаповествование А. Битова превращает его в критика «нового времени», так как критика – это «слово о слове», это вторичный язык, который накладывается на «язык-объект».

Автор ставит Леву в положение критика, который оказывается в той же речевой ситуации перед текстом, как писатель – перед миром. Проверая своего героя эталоном гармонии Пушкина, авторская маска провоцирует Леву вступить в диалог с позицией великих русских поэтов. Литературная критика является необходимым условием диалога двух культурных эпох: XIX века и современного для автора и

героя XX века. В процессе этого диалога выявляются и решаются интересующие вопросы: гениальности и профессиональности в литературе, отношения автора и текста, прерывности/непрерывности культуры и другие. Автор как критик своего героя ставит его на место писателя, воспринимающего мир как язык, как единый текст. Маска автора становится критиком для Левы, Лева – литературным критиком творчества Пушкина, Лермонтова и Тютчева, а литература, в свою очередь, превращается в критику языка, а шире – жизни, как бытия.

Пародийный диалог героя с классикой в процессе литературной критики позволяет более наглядно проявить симулятивный характер современности, измельчание творческого потенциала, прерывный характер современной культурной ситуации.

Пятый параграф «Роль интертекстуальности в романе А. Битова "Пушкинский дом"» посвящен интертекстуальным связям романа и служит демонстрацией зависимости решения поднимаемых проблем от авторских масок.

Художник не только видит мир сквозь призму культурных кодов, но и ощущает интертекстуальную природу реальности. Интертекстуальный мир пропитан культурным контекстом, соткан из цитат, поэтому художественное мировосприятие не что иное, как чтение уже сказанного, уже виденного, уже читанного. Цитатность – основа романа, но это не означает, что оригинальности высказывания больше не существует.

Напротив, перекодируя классическую литературу в собственном художественном творчестве, автор достигает более глубокого уровня понимания текста. Исследуя интертекстуальную природу художественного творчества в целом, автор выступает в нескольких ипостасях: 1) маска автора-филолога, исследующего собственное художественное творчество; 2) маска автора-филолога, исследующего интертекстуальную природу литературы в целом; 3) маска автора-литературного критика; 4) маска автора-писателя – современника героя.

Исследование интертекстуальной природы собственного художественного творчества маска автора начинается с рассуждения о том, что литература цитатна, прежде всего, потому, что существует преемственность, принцип сохранения энергии. В связи с этим автор объясняет возможные на него влияния других писателей, самыми существенными из которых являются Достоевский, Пруст и Набоков.

Выявив, таким образом, возможные влияния на себя и Леву тех или иных писателей, маска автора приступает к исследованию интертекстуальной природы современной литературы в целом.

Маска автора-литературного критика позволяет отметить, что сопоставление классической литературы и современной беллетристики всегда носит характер противопоставления. Герой автора, живущий в современной эпохе, не только не идентичен героям классической литературы, но обнаруживает сниженные, трагедийные черты характера. Перекодируя классические образцы, автор достигает более глубокого уровня понимания своего текста.

Подобная игровая перекодировка направлена не на критику классической литературы, а на оценку современного бытия, в котором чувство заменено представлением о чувстве, поиск живого смысла – готовым смыслом, лишним человеком М.Ю. Лермонтова – типическим Левой Одоевцевым.

Помимо этого автор включает в текст романа и писателей-современников, расширяя культурное поле произведения, для чего используется маска автора-писателя – современника героя. Появление в тексте романа «Пушкинский дом» современников автора и героя усиливает диалог культурных кодов и вписывает роман в культурный дискурс как прошлого, так и настоящего.

Интертекстуальность для автора – это оригинальный способ манипулирования вымышленными и мастерски воплощенными авторскими масками. Автор, используя ту или иную из выявленных нами масок, исследует важнейшие проблемы духовного бытия своих современников.

А. Битов в романе «Пушкинский дом» воплотил особое мироощущение человека XX века, в котором интертекстуальность является не только способом существования произведения, но и человека в окружающей действительности. Герой романа, Лева Одоевцев, воспринимает окружающий его мир как книгу, подобно своему автору, который воплотил и исследовал в тексте это особое мировосприятие.

Во второй главе диссертации делается вывод о том, что многообразные воплощения маски автора-филолога призваны изучить с разных позиций «тексты» масок автора-романиста. Так, в романе «Пушкинский дом» возникает проблема несоответствия между реальным биографическим автором и воплощенным в тексте автором-симулякром – А.Б., в связи с чем маска автора-филолога углубляется в изучение теоретических проблем литературоведения, касающихся отношений автора и героя, способа самовыражения автора через профессию героя и других. Кроме того, маской автора-филолога осмысливается

диалогическая структура повествования, что позволяет говорить о маске автора-историка литературы, исследующего «творческий хронотоп» созданного романистом текста.

Маска автора филолога-пушкиноведа пересекается с маской автора-творца в изучении соотношения культуры и цивилизации в современности и условий, необходимых для дальнейшего развития культуры. Подобное пересечение масок позволяет более детально проанализировать современную ситуацию.

В свою очередь, маска автора-литературного критика наполняет повествование автора-симулякра живым, истинным, не отраженным смыслом, превращая роман в полисемантическое произведение.

Интертекстуальное постижение бытия, очевидно, накладывается на игровое освоение хаоса, что находит выражение в карнавализации повествования, построении текста по модели мира-хаоса, варьировании авторскими масками в игре интертекста.

Вся система авторских масок как романиста, так и филолога взаимозависима и представляет собой необходимость разностороннего подхода к тексту «Пушкинского дома».

В заключении излагаются основные выводы по всему диссертационному исследованию.

Одним из подходов к постижению своеобразия постмодернистского романа следует признать важность художественного применения системы авторских масок, реализованных в этом произведении. Фигура Автора, эксплицитно проявляющаяся в романе «Пушкинский дом» через систему авторских масок, позволяет более глубоко интерпретировать текст, как с содержательной, так и с формальной точки зрения. Авторская маска, или автор-персонаж, генетически восходящий к традиционному образу автора, не является, тем не менее, его точной копией. Автор, расщепляющийся в тексте на множество масок, создает эксплицитную персонажную систему авторских масок, от выявления сути которых зависит разрешение всех поднимаемых в произведении проблем.

Критика позиции Автора-Бога не позволяет А. Битову вести монологическое повествование, кроме того, он отказывается и от субъективности единственного повествователя. Для того, чтобы представить более точную художественную картину, писатель вводит многообразные авторские маски, которые в качестве субъектов сознания, реализующих изучение действительности в тексте, объединяясь, дают максимально объективную оценку бытия. Только такой «полифонический» подход к действительности, по мнению автора, может претендовать на истинность полученного результата.

Своеобразие романа А. Битова «Пушкинский дом» видится в многообразном воплощении автора-персонажа. Расщепление на два доминирующих в романе авторских alter ego – автора-романиста и автора-филолога – приводит к художественной имитации двух разноплановых текстов, написанных художником и филологом. Однако эти два текста взаимозависимы и равноправны. Трудно сказать, создается ли художественный текст, а затем исследуется, или же ведется филологическое исследование, результаты которого лишь художественно воссоздаются романистом. Так или иначе, цель каждого из текстов видится, с одной стороны, в углублении содержания другого, а с другой, – в подрыве авторитета текста-оппонента, не позволяющего ему занять доминирующую позицию всеведения и всезнания.

Варьирование авторскими масками для решения поднимаемых проблем является одной из особенностей поэтики романа А. Битова «Пушкинский дом». Во-первых, весь роман четко членится на текст автора-романиста и текст автора-филолога. Буквально каждый раздел А. Битов сопровождается курсивными главами литературоведческого содержания, в результате чего тексты начинают взаимоналагаться и проникать друг в друга. Во-вторых, для того чтобы исследовать своего героя многосторонне, автор прибегает к описанию одного и того же хронологического отрезка в двух разных главах. Авторские маски, исследуя героя и время, в котором он действует, с разных точек зрения, создают бессюжетный, аструктурный и ахронологический характер повествования. В-третьих, исследования различных авторских масок создают эффект «разбегания» тем и мотивов, а необходимость рассмотрения затронутой проблемы в противопоставлении или сопоставлении с другой вызывает эффект скрещивания этих тем. В-четвертых, постоянные авторефлексия и автолитературоведение, призванные уточнить, изучить или опровергнуть смысл создаваемого художественного текста, вызывают в романе бесконечные остановки и паузы. Таким образом, доминантным художественным приемом, определяющим особенности поэтики романа А. Битова «Пушкинский дом», является многофункциональное использование авторских масок.

В романе А. Битова «Пушкинский дом» нашла отражение постмодернистская концепция Автора, когда автор-персонаж, или авторская маска, скрепляющая текст, воплощает основные постмодернистские постулаты. Создавая децентрированное, хаотичное, аструктурное письмо, «автор» тем самым проявляет себя как иронически настроенный маргинал с интертекстуальным сознанием, как шизофрениче-

ская личность, обладающая постмодернистской чувствительностью и стремящаяся установить личную коммуникацию с читателем.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

1. *Карпова, В.В.* Образ «рассказчик-писатель» в реалистической и постмодернистской литературе: Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорбленные» и А. Битов «Пушкинский дом» / В.В. Карпова // Славянская литература в контексте мировой: Материалы V Междунар. конф., посвященной 80-летию Белорусского государственного университета (16 – 18 октября 2001 г.): В 3 ч. – Минск: Изд-во БГУ, 2001. – Ч. 3. – С. 193 – 198.

2. *Карпова, В.В.* Диалогическая природа рассказчика-писателя в романе Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» / В.В. Карпова // Компьютерные технологии в образовании, ComTech2001: Материалы III Всероссийской научной internet-конференции (ноябрь – декабрь 2001 г.). – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Вып. 16. – С. 41.

3. *Карпова, В.В.* Авторские «следы» в романе А. Битова «Пушкинский дом» / В.В. Карпова // Человек в контексте культуры: Сборник научных статей / Под ред. В.А. Колотаева. – М.: Изд-во МПГУ «Прометей», 2001. – Вып. 4. – С. 89 – 91.

4. *Карпова, В.В.* Цитатность как игровой принцип романа Юрия Буйды «Ермо» / В.В. Карпова // Художественное слово в современном мире: Сборник статей / Под общ. ред. И.М. Поповой. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 35 – 37.

5. *Карпова, В.В.* Отражение современной социокультурной и мировоззренческой ситуации в феномене постмодернистской чувствительности / В.В. Карпова // Русский язык, литература и культура в современном обществе: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию кафедры практического русского языка, Иваново (20 – 22 июня 2002 г.). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. – С. 610 – 614.